

A full-length portrait of Empress Elizabeth I of Russia. She is standing, wearing an elaborate white silk gown with a wide, lace-trimmed collar and long, flowing sleeves. She is adorned with multiple long strands of pearls and a large, ornate necklace. Her hair is styled in a bun, and she wears a small crown or tiara. She holds a dark blue velvet cloak with a white fur trim in her left hand. The background is a rich, dark red curtain.

ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ НА ТРОНЕ

БЫТЬ ИМПЕРАТРИЦЕЙ

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Как жили женщины разных эпох

**Быть императрицей.
Повседневная жизнь на троне**

«Алисторус»

2018

УДК 929:94(47)
ББК 63.3(2)-8

Быть императрицей. Повседневная жизнь на троне / «Алисторус»,
2018 — (Как жили женщины разных эпох)

ISBN 978-5-906995-38-4

Анна Иоанновна, Елизавета Петровна и, наконец, Екатерина Великая. Те времена прозвали женским веком русской истории. В те годы было положено начало женскому образованию в России, построены красивейшие здания эпохи классицизма, а балы и маскарады, организованные царским двором, проходили чуть ли не каждый день. Чем жили женщины на троне, о чем думали, что радовало их, а что огорчало? Лучше всего об этом могут рассказать сами императрицы. Предлагаемое издание содержит письма и дневники величайших женщин в истории России, раскрывающие все подробности жизни царственных особ.

УДК 929:94(47)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-906995-38-4

, 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Судьба Психеи. Елизавета Алексеевна, супруга Александра I	8
Из мемуаров Варвары Голицыной[1]	9
Императрица Елисавета Алексеевна (1779–1826)	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Быть императрицей. Повседневная жизнь на троне

© Е. Первушина (авт. – сост.), 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Предисловие

Русские императрицы были немками. Таковы «правила игры в высшей лиге»: брак должен связать императорский дом с другим правящим домом. Католичек – французенок, испанок, итальянок – при русском дворе остерегались, да и они не хотели менять религию. Оставались многочисленные протестантские княжества Германии, которые должны были снабжать северного соседа румянными, широкобедрыми и здоровыми принцессами и не пытаться вмешиваться в политику России. Образцом в этом смысле была София Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская, супруга Павла Петровича, принявшая при переходе в православие имя Марии Федоровны. Она родила мужу десять детей, из которых в младенчестве умерла только одна девочка. Четверо из них были мальчиками, что также немаловажно.

Принцессы выходили замуж за великих князей. Иногда они знали, что в будущем станут императрицами огромной страны, но, сколько продлится ожидание, они не ведали. Иногда же корона сваливалась им буквально как снег на голову.

Главное, чему они должны были сразу же научиться, – это умению ладить. Ладить с императрицей, место которой они когда-то займут. Ладить с императором. Ладить со своим мужем. Ладить с придворными, у которых тоже была своя спесь и которые могли сделать их жизнь невыносимой. И при этом ладить, не теряя достоинства и не забывая о своих интересах. Великой мастерицей в этом деле была София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, ставшая в России Екатериной Алексеевной, а затем – императрицей Екатериной II.

Портрет Екатерины II. Художник Ф.С. Рокотов. 1763 г.

*Любовию к России дышит,
Ей зиждет счастье и покров:
Законы, суд и милость пишет
И гром бросает на врагов.*

(Г. Державин)

Наши героини не сделали такой головокружительной карьеры. Они оставались женами своих мужей (по большей части верными женами), матерями своих детей и украшениями своих дворов. А что творилось в их душах? Об этом они поведали в своих письмах и дневниках. И теперь благодаря этому вы тоже можете узнать, легко ли быть императрицей.

Часть I. Судьба Психеи. Елизавета Алексеевна, супруга Александра I

Шестнадцатилетнего жениха и четырнадцатилетнюю невесту называли Амуром и Психеей. Гавриил Романович Державин сочинил к их помолвке такие стихи:

*Амуру вздумалось Психею,
Резвяся, поимать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать.*

*Прекрасна пленница краснеет
И рвется от него,
А он как будто бы робеет
От случая сего.*

*Она зовет своих подружек,
Чтоб узел развязать,
И он своих крылатых служек,
Чтоб помочь им подать.*

*Приятность, младость к ним стремятся
И им служить хотят;
Но узники не суетятся, –
Как вкопаны стоят.*

*Ни крылышком Амур не тронет,
Ни луком, ни стрелой;
Психея не бежит, не стонет:
Свились, как лист с травой.*

*Так будь, чета, век нераздельна,
Согласием дыша:
Та цепь тверда, где сопряженна
С любовью душа.*

Сохранились воспоминания фрейлины Варвары Голицыной о первых годах этого супружества.

Из мемуаров Варвары Голицыной¹

Вскоре заговорили о предстоящей женитьбе великого князя Александра на принцессе Луизе Баденской. Императрица отправила графиню Шувалову и Стрекалова ко двору марк-графа Баденского просить наследных принца и принцессу, чтобы их дочь, принцесса Луиза, предприняла путешествие в Россию.

31 октября 1792 года принцесса Луиза приехала в сопровождении своей сестры принцессы Фредерики, будущей шведской королевы. Луизе было тринадцать с половиной лет, ее сестра была годом моложе. Их приезд произвел большое впечатление. Дамы, имевшие доступ во дворец и в Эрмитаж, были им представлены особо. Я не входила в их число, так как только что оправилась от серьезной болезни после потери моей второй дочери, прожившей всего пять месяцев. Увидела я принцесс на две недели позже, чем прочие дамы, и имела честь представляться им в Шепелевском дворце, где они остановились. Этот дворец находился рядом с Эрмитажем. Прелесть и грация принцессы Луизы бросались в глаза. Именно такое впечатление она произвела на всех, кто ее видел. К ней я особенно привязалась. Ее молодость и мягкость внушали мне живое участие и своего рода страх, от которого я никак не могла избавиться. Графиня Шувалова была моей родственницей, и ее безнравственность и склонность к интригам заставляли опасаться за будущее принцессы Луизы. Назначая меня к особе принцессы, императрица, казалось, желала, чтобы рядом с ней находился кто-то, кто был к ней искренне и неофициально привязан.

¹ Полностью см.: В царском кругу. Воспоминания фрейлин дома Романовых. М.: Алгоритм, 2016.

Александр I и Елизавета Алексеевна. Художник П. Кросси. После 1807 г.

*«Однажды вечером, когда мы рисовали вместе с остальным обществом за круглым столом в бриллиантовой комнате, Великий Князь Александр подвинул мне письмо с признанием в любви, которое он только что написал...»
(Из личных записей Елизаветы Алексеевны)*

Ниже я передам то, что сама принцесса Луиза, ныне императрица Елисавета, сообщила мне о своем приезде в Петербург.

«Мы приехали с сестрой Фредерикой, – рассказывала она, – между восемью и десятью часами вечера. В Стрельне, последней станции перед Петербургом, нас встретил камергер Салтыков, которого государыня назначила дежурить при нас по приезде. Стрекалов и графиня Шувалова сели к нам в экипаж. Все эти приготовления к самому примечательному в моей жизни моменту, важность которого я уже чувствовала, возбудили во мне большое волнение, и

когда, при въезде в городские ворота, мои спутники воскликнули: “Вот мы и в Петербурге!” – то, пользуясь темнотой, я быстро взяла сестру за руку. По мере приближения мы все больше и больше сжимали руки: этим немым языком мы выражали чувства, волновавшие наши души.

Нас поселили в Шепелевском дворце. Я взбежала по ступенькам большой, прекрасно освещенной лестницы. У Стрекалова и графини Шуваловой ноги были слабы, и потому они остались далеко позади. Салтыков был со мной, но остался в передней, а я пробежала все комнаты, не останавливаясь. Наконец я вошла в спальню, убранную мебелью с малиновой обивкой. Войдя, я увидела двух дам и господина. Быстрее молнии у меня промелькнула мысль: “Я в Петербурге у императрицы, и, конечно, это она меня встречает. Наверное, это она”. И я подошла поцеловать руку той, которая более была похожа на портрет государыни, составившийся в моем воображении. По самому распространенному портрету, который я видела несколько лет спустя, я, наверное, не узнала бы ее так скоро. Она была с князем Zubовым – в то время еще просто Платоном Zubовым – и с графиней Браницкой, племянницей князя Потемкина. Императрица сказала, что чрезвычайно рада со мной познакомиться, а я ей передала выражения почтительной преданности от моей матери. Тут явились моя сестра с графиней Шуваловой. После непродолжительного разговора императрица удалилась, а я вся отдалась тому волшебному чувству, которое охватило меня при виде всего окружающего. Ничто не производило на меня такого сильного впечатления, как двор Екатерины, увиденный в первый раз.

Третий день после приезда был весь посвящен уборке наших голов по придворной моде и примерке русского платья: мы должны были быть представлены великому князю-отцу и великой княгине. Я в первый раз в жизни была в фижмах и с напудренными волосами.

Вечером, в шесть или семь часов, нас повезли к великому князю Павлу. Он принял нас очень хорошо. Мария Феодоровна осыпала меня ласками, говорила со мной о моей матери, о всей семье, о том, как мне, должно быть, было тяжело расставаться с ними. Этим обращением она совершенно покорила мое сердце, и не моя вина, что привязанность к великой княгине не обратилась потом в любовь дочери к уважаемой матери.

Нас усадили, великий князь послал за своими сыновьями и дочерьми. Я как сейчас вижу, как они входят. За великим князем Александром я следила настолько внимательно, насколько это позволяли приличия. Он был очень красив, хотя и не так, как мне описывали. Он не подходил ко мне и поглядывал довольно неприязненно.

После визита к их высочествам мы прошли к императрице, сидевшей уже за партией бостона в Бриллиантовой комнате. Нас пригласили за круглый стол к графине Шуваловой с дежурными фрейлинами и камер-юнкерами. Вскоре вслед за нами пришли молодые великие князья. Александр до конца вечера не сказал мне ни слова, ни разу не подошел, даже избегал меня. Лишь постепенно он сделался по отношению ко мне обходительнее. Маленькие собрания в Эрмитаже в очень тесном кружке, вечера, проводимые вместе у круглого стола в Бриллиантовой комнате, где мы играли в секретари или рассматривали эстампы, – все это понемногу привело к сближению. Однажды вечером, спустя примерно шесть недель после нашего приезда, за круглым столом в Бриллиантовой комнате, где мы рисовали вместе с остальным обществом, он потихоньку от других сунул мне только что написанную им записку с объяснением. Он писал, что по приказанию родителей сообщает мне о том, что меня любит, и спрашивает, могу ли я отвечать на его чувство и может ли он надеяться, что я буду счастлива, выйдя за него замуж. Я, тоже на клочке бумаги, ответила ему утвердительно, прибавив, что исполню желание родителей, приславших меня сюда. С этого момента на нас стали смотреть как на жениха и невесту и мне дали учителя русского языка и закона Божия».

На другой день после представления принцессы великому князю-отцу императрица дала торжественную аудиенцию для польских депутатов: графов Браницкого, Ржевусского и Потоцкого, вожаков партии, желавшей установления наследственности польской короны. Они просили государыню взять Польшу под свое покровительство. Это была первая публичная цере-

мония, на которой присутствовала принцесса Луиза. Императрица сидела на троне, в зале, называемой Тронной. Здесь и у входа в Кавалергардскую залу толпилась публика. Граф Браницюш произнес речь на польском языке, вице-канцлер отвечал ему по-русски, стоя на ступеньках трона. Когда церемония закончилась, государыня удалилась в свои покои. Принцесса Луиза последовала за ней, но в то время, как она обходила трон, ее нога задела за золотую бахромку бархатного ковра, лежавшего на полу. Принцесса пошатнулась и, наверное бы, упала, если бы Платон Зубов ее не поддержал.

Это смутило принцессу и привело ее в отчаяние, тем более что она в первый раз появлялась публично. Нашлись люди, которые объяснили это маленькое событие как дурное предзнаменование. Им не пришло в голову, что можно найти и счастливое объяснение, как это сделал в подобном случае Юлий Цезарь. Высаживаясь на берег Африки, чтобы преследовать остатки республиканской армии, он упал в тот момент, когда вступал на африканскую землю. «Африка, я овладеваю тобой!» – воскликнул он, истолковав таким образом в свою пользу то, что другие могли бы объяснить в дурную сторону.

«Я приближаюсь к самому интересному периоду моей жизни. Новое и великолепное зрелище открывалось перед моими глазами: блестящий и величественный двор, великая государыня, которая меня, видимо, приближала к той, что внушала мне привязанность, перенесшую все испытания. Чем чаще мне доводилось видеть принцессу Луизу, тем больше я к ней привязывалась. Мое участие не укрылось от нее, и я с радостью это заметила.

В начале мая двор переехал в Царское Село, а на следующий день после приезда ее величество приказала моему мужу, чтобы и я также приехала в Царское на все лето. Это приказание привело меня в восторг. Я немедленно отправилась, чтобы добраться туда до вечернего собрания, которое устраивала у себя императрица. Переодевшись, я тотчас отправилась во дворец и представилась государыне. Она вышла в шесть часов, обошла со мной с большой добротой и сказала...»

* * *

Принцесса Луиза, ставшая его супругой, соединяла вместе с невыразимой прелестью и фацией во всей фигуре замечательную для четырнадцатилетней девушки выдержку и сдержанность. Во всех ее поступках заметны были следы усилий уважаемой и любимой матери. Ее тонкий ум с замечательной быстротой схватывал все, что могло служить к его украшению, подобно пчеле, собирающей мед даже с самых ядовитых растений, а разговор дышал всею свежестью молодости. Я наслаждалась, слушая ее, изучая эту душу, столь непохожую на другие. Душа эта, сочетая в себе все добродетели, открыта была и для всяких опасных влияний. Ее доверие ко мне возрастало с каждым днем, вполне оправдываясь теми чувствами, которые я питала к ней, и поэтому добрая ее слава сделалась еще дороже, еще ближе моему сердцу.

Первое лето, которое мы провели вместе, было только преддверием дружбы, продолжавшейся несколько лет. Она мне представлялась прекрасным молодым растением, стебли которого могли бы дать при хорошем за ним уходе прекрасные отпрыски, но которому угрожали постоянные бури и ураганы. Опасности, угрожавшие ей, удваивали мои о ней заботы. Я часто с сожалением вспоминала о ее матери, единственном существе, способном завершить ее воспитание, начатое так хорошо, и бывшем живым примером добродетели, который мог бы предохранить ее от ошибок и увлечений....

* * *

Двор проводил вечера у принцессы Луизы, которая со времени своего миропомазания и помолвки получила титул великой княжны и имя Елисаветы Алексеевны. Племянницы Прота-

совой бывали там постоянно. Принцесса Фредерика немало способствовала оживлению общества. Она была очень умна и хитра и, несмотря на свой юный возраст, выказывала решительность характера. Увы, ее судьба, хотя и блестящая, подвергла ее немалым испытаниям, и корона, возложенная на ее голову, была покрыта шипами. В конце пребывания двора в Царском Селе она уехала и вернулась к матери. Сцена разлуки двух сестер была очень трогательна. Накануне ее отъезда, идя к великой княжне Елисавете, я встретила под сводами террасы императрицу, выходящую от принцессы Фредерики. Она возвращалась с прощального визита от нее...

Утром следующего дня, когда все было готово к отъезду и двор великого князя собрался, мы прошли через сад и цветник до лужайки, где стоял экипаж принцессы Фредерики. После раздирающих душу прощаний великая княжна вскочила в карету к сестре в тот момент, когда дверцы уже закрывались, и, поцеловав ее еще раз, поспешно вышла, схватила мою руку и побежала со мной к Руине, находившейся в конце сада. Там она бросилась под дерево и предалась своему горю, положив голову ко мне на колени. Но когда графиня Шувалова вместе с остальным двором подошли к нам, великая княжна тотчас вскочила, подавила слезы и медленно, с совершенно спокойным лицом направилась к дому. Так уже в столь юные годы она умела скрывать свое горе. Эта черта многих заставляла ошибаться в ее характере. Не умея понять, они считали ее холодной и бесчувственной. Когда мне говорили об этом, я всегда отвечала молчанием: бывают в сердце такие святые и дорогие уголки, говорить о которых – все равно что совершать проступок против них, и есть суждения, настолько низкие и достойные презрения, что не заслуживают, чтобы им оказывали честь оспаривать их.

Портрет принцессы Луизы Баденской (Екатерины Алексеевны) в юности

Портрет принцессы Луизы Баденской (Екатерины Алексеевны) в юности
Луиза росла в теплой семейной обстановке. Особенно близкой она была со своей матерью, переписку с которой поддерживала до самой смерти. Как и все дети получила достойное образование, блестяще говорила по-французски

Приготовления к свадьбе великого князя Александра начались тотчас по возвращении двора в город. Все этого ждали с живым интересом. Наконец, настало 23 сентября 1793 года. В церкви Зимнего дворца было устроено возвышение, на котором предстояло совершиться брач-

ной церемонии, для того чтобы всем было видно. Как только молодые поднялись на него, всеми овладело чувство умиления: они были хороши, как ангелы. Обер-камергер Шувалов и князь Безбородко держали венцы. Когда окончился обряд венчания, новобрачные сошли, держась за руки. Александр опустился на колени перед императрицей, чтобы благодарить ее, но государыня подняла его, обняла и поцеловала со слезами. Таковую же нежность государыня выказала и по отношению к Елисавете. Затем молодые поцеловались с великим князем-отцом и великой княгиней-матерью, которые тоже благодарили государыню. Павел Петрович был глубоко тронут, что всех очень удивило. В то время он любил свою невестку, как настоящий отец.

Граф Ростопчин, долго пользовавшийся милостью Павла, рассказывал мне, что однажды в Гатчине, в разговоре о юной великой княгине, тот с живостью заметил:

– Нужно отправиться в Рим, чтобы найти вторую Елисавету.

Потом все изменилось. Кое-какие несчастные обстоятельства возбудили сомнения и придали вид правды самым ужасным клеветам. Такова судьба царственных особ: самые законные и естественные их чувства постоянно искажаются людьми низкими, ловкими, льстивыми и жаждущими только того, чтобы сохранить царскую милость за счет истинно преданных людей.

Император Павел больше других опасался быть обманутым. Его характер, делавшийся все более недоверчивым, оказался очень удобен для тех, кто желал его гибели. Супруга хотя и любила его, но своими попытками влиять на него лишь больше его раздражала. Она окружила его интригами, которые льстили самолюбию, но уничтожали доброту характера. Она полагала, что, помогая несчастным, исчерпывает все свои обязанности благотворения, однако тщеславие, которое часто вредило ей, отравляло и дела ее благотворительности, главным источником которых должно быть доброе сердце. Она стала завидовать красоте, грации и изяществу Елисаветы, дружбе с ней императрицы и особенно воздаваемым ей почестям. Перемену ее по отношению ко мне я могу приписать лишь особенной моей привязанности к ее невестке. Ее доброта и милость ко мне, продолжавшиеся шестнадцать лет, обратились в ненависть. Она старалась погубить меня во мнении Елисаветы, уверенная, что ничто не могло бы задеть меня больше.

В день свадьбы был большой обед, вечером – бал в парадной зале великого князя Александра. Императрица, Павел Петрович и Мария Феодоровна проводили молодых до их покоев. На следующий день был еще один бал в большой галерее у государыни, затем последовало еще несколько празднеств.

* * *

Ничего не могло быть интереснее и красивее этой прелестной пары: Александра и Елисаветы. Их можно было сравнить с Амуром и Психеей. Окружающие замечали, что в чувствах они вполне отвечали друг другу. Великий князь оказывал тогда мне честь удостоивать особенного своего доверия. Утром мы всегда гуляли вдвоем: и муж, и жена одинаково желали меня видеть. Если супруги слегка ссорились между собой – меня звали быть судьей. Помню, что после одной из их размолвок они приказали мне прийти на следующее утро в семь часов в нижний этаж дворца, в комнаты моего дяди, выходившие в парк. Я отправилась туда в назначенное время. Оба они вышли на террасу. Великий князь влез через окно, велел передать стул, вылез, заставил меня выскочить в окно – словом, проделал все, чтобы придать обычному делу вид приключения. Они схватили меня за руку, отвели в бывший Эрмитаж в глубину сада, там усадили на стол, и заседание было открыто. Оба говорили одновременно. Приговор состоялся в пользу великой княгини, которая была совершенно права. Великому князю надо было признаться в своей неправоте, что он и сделал. Покончив с серьезным делом, мы очень весело отправились гулять.

Тем летом мы совершали прелестные прогулки. Императрица желала только одного: видеть своих внуков счастливыми и довольными. Она позволила им гулять везде, где они

ни пожелают, даже и после обеда. Как-то раз велели приготовить охоту в Красном Селе. Эта деревня находится на небольшом расстоянии от Дудергофа, трех холмов, из которых два покрыты густым лесом. На них растут прелестные цветы, гербаристы собирают там очень интересные коллекции. На среднем холме лес менее густой. На вершине его построена финская деревня, а лютеранская церковь придает ему живописность. Мы вернулись во дворец в самый жар, пророчивший сильную грозу, и пообедали с большим аппетитом. Едва мы вышли из-за стола, как раздался сильнейший удар грома. Блеснувшая молния ослепила нас. Полил обильный дождь, пошел град. Елисавета Алексеевна бегала за градинами, которые вкатывались в комнату через каминную трубу. Вся эта суеда, охотничий азарт, разнообразные волнения нас с нею очень забавляли. Фрейлина княжна Голицына затворилась в спальне: она сильно боялась грозы. Молодая графиня Шувалова ушла вместе с ней, а ее мать ходила то к ним, то к нам. Мы с великой княгиней наслаждались общими чувствами: гроза, гром и молния представлялись нам прекрасным зрелищем, и мы любовались ими, облокотившись на подоконник. Мы обе были в амазонках и черных касторовых шляпах. Шляпа великой княгини была украшена лентой стального цвета, и она потихоньку переколола ее на мою, чтобы обменять их незаметным образом. В тот же день она передала мне записку, которая и теперь хранится у меня в медальоне вместе с ее портретом и прядью волос.

Что может быть приятнее первого проявления чувства дружбы? Ничто не должно становиться у него на дороге. Доверчивостью, увлеченностью и чистотой дружба походит на вечно-цветущий сад. В дружбе любят без страха и угрызений совести, и какое счастье, можно даже сказать, более, чем счастье, владеть верным и чувствительным сердцем!..

Гроза прошла. За ней последовала самая полная тишина. Воздух был мягок и ароматен. Все способствовало тому, чтобы сделать нашу прогулку приятной. Некоторое время охотились, потом взобрались на первый из холмов. С вершины его открывался прелестный вид. Цветы и земляника росли под самыми нашими ногами. Потом мы поднялись на самый лесистый из холмов. В стороне находился птичник для фазанов, окруженный густыми деревьями, среди которых мы заметили тропинку, ведущую на вершину. Великой княгине захотелось туда взобраться, но тропинка была слишком камениста и крута. Вскоре придумали, как ее туда доставить: возле птичника нашли финскую тележку, запряженную лошадей, и предложили этот экипаж великой княгине. Та приняла его с радостью. Вместе с нею усадили меня, княжну Голицыну и молодую графиню Шувалову. Камергеры и камер-юнкеры помогали лошади: одни тянули ее за узду, другие толкали тележку. Великий князь и некоторые придворные ехали верхом. Эта многочисленная свита и финская тележка напоминали волшебную сказку и, казалось, скрывали в себе что-то таинственное. Все в жизни – тайна, даже и финская тележка.

Прогулка продолжалась долго. Мы вернулись в открытых экипажах. Вечер был восхитительный: свет сменился сумерками, все предметы: холмы, деревья, колокольни – обрисовались черной тенью на дымчатом небе. Говорили мало, но каждый по-своему был очарован.

В Царском Селе жила графиня Толстая, жена камергера великого князя. Она еще не была принята при дворе, но имела позволение бывать у великой княгини в качестве приближенной к ее двору. Я знала ее с детства, но мало. Она была мне родственницей по мужу, а граф Толстой в это время был моим поклонником. Он привез ее ко мне и сказал:

– Дарю вам мою жену.

Она справедливо обиделась его словам, которые и меня поставили в неловкое положение и установили между нами некоторое стеснение, к счастью, недолго продолжавшееся. Толстая была красива и симпатична, но несчастные обстоятельства ее жизни усилили ее чрезмерную природную застенчивость. Когда мы оставались одни, она обыкновенно молчала, но наконец лаской и предупредительностью я достигла того, что она ко мне привыкла, стала откровенна и полюбила меня всеми силами своего сердца. Наше сближение перешло в подлинное чувство.

Испытания, через которые мы обе прошли, только укрепили нашу дружбу, которая не должна и не может прекратиться.

Утром мы гуляли с ней вместе в окрестностях Царского Села. Как-то раз графиня пригласила меня отправиться в деревню колонистов, находившуюся в двенадцати верстах от дворца. Мы нашли ее прелестной и описали великому князю и великой княгине все подробности нашей прогулки. Их императорским высочествам также захотелось туда отправиться, и они получили позволение императрицы. Решено было, что для большей свободы они отправятся инкогнито под нашим покровительством. Великая княгиня должна была выдавать себя за мадемуазель Гербиль, свою горничную, а великий князь – за моего племянника. В восемь часов утра великая княгиня уселась со мной и графиней Толстой в коляску, мой муж поместился в собственном английском кабриолете, а великий князь вместе с ним. Приехав в дом госпожи Вильбад, куда мы вошли, великая княгиня погрузилась в воспоминания. Это жилище и одежда обитателей напоминали ей крестьян ее родины. Семейство Вильбад состояло из мужа, жены, сына с его женой и ребенком и молодой девушки. Пригласили двух соседей и стали играть прирейнские вальсы. Музыка и вся обстановка произвели большое впечатление на великую княгиню, но к удовольствию ее примешивалась легкая грусть. Муж мой отвлек ее от этого чувства, сказав:

– Мадемуазель Гербиль, вы слишком ленивы. Пора готовить завтрак. Пойдемте в кухню. Мы сейчас сготовим яичницу, а вы нарежете петрушки.

Великая княгиня повиновалась и таким образом получила свой первый кулинарный урок. На ней было белое утреннее платье, маленькая соломенная шляпа прикрывала ее прекрасные белокурые волосы. Принесли охапку роз; мы сделали из них гирлянду и украсили ею ее шляпу. Она была мила, как ангел. Великий князь Александр с трудом сохранял серьезность при виде моего мужа, который надел поварской колпак и имел очень смешной вид.

Портрет Великого князя Александра Павловича в юности. Художник Ж.Л. Вуаль. 1792 г.

«Вы говорите, – писала Екатерина барону Ф. М. Гримму, – что ему предстоит выбрать, кому подражать: герою (Александр Македонскому) или святому (Александру Невскому). Вы, по-видимому, не знаете, что наш святой был героем. Он был мужественным воином, твердым правителем и ловким политиком и превосходил всех остальных удельных князей, своих современников... Итак, я согласна, что у господина Александра есть лишь один выбор, и от его личных дарований зависит, на какую он вступит стезю – святости или героизма»

(Екатерина II о своем внуке Александре)

Мы отведали превкусной яичницы, а масло и густые сливки довершили завтрак. В углу комнаты находилась люлька со спящим ребенком. Молодая мать изредка ходила баюкать его. Великая княгиня, заметив это, опустила на колени, покачала дитя, и глаза ее наполнились слезами. Она будто предчувствовала тяжелые испытания, которые готовило ей будущее.

Веселость и простота придали немало оживления нашей утренней прогулке. Обратный путь был поистине замечателен: лил потоками сильный теплый дождь, мы усадили великого князя в коляску под полость, прикрывавшую наши ноги. В коляске помещалось лишь три человека, и, несмотря на все наши старания, он промок до костей. Однако это не уменьшило нашей веселости, и мы долго еще с удовольствием вспоминали эту прогулку.

Госпожа Вильбад, приезжая иногда в город по своим делам, привозила мне масло. Я попросила ее привезти его также моему так называемому племяннику.

– Я не знаю, где он квартирует, – сказала она.

Я отвечала, что велю ее проводить, и один из моих слуг отвел ее во дворец. Когда она узнала истину, с ней едва не сделалось дурно от удивления и счастья. Великий князь вручил ей сто рублей и одежду для ее мужа. Помнится, что эта небольшая пенсия выдавалась ей потом в продолжение нескольких лет.

Удовольствиям не было конца. Императрица старалась сделать Царское Село как можно более приятным. Придумали бегать взапуски на лугу перед дворцом. Составилось два лагеря: Александра и Константина, – различавшиеся с помощью розового и голубого флагов с серебряными, вышитыми на них инициалами. Как и полагалось, я принадлежала к лагерю Александра. Императрица и лица неигравшие сидели на скамейке против аллеи, окаймлявшей луг. Прежде чем пуститься бежать, великая княгиня Елисавета вешала свою шляпу на флаг. Она едва касалась земли, до того была легка; воздух играл ее волосами. Она опережала всех дам. Ею любовались и не могли достаточно наглядеться на нее.

Эти игры нравились всем, и в них охотно принимали участие. Императрица, которая была олицетворенная доброта, заметила, что камергеры и камер-юнкеры, дежурившие при ней два раза в неделю, с сожалением расставались со своей службой. Она позволила им оставаться в Царском Селе сколько пожелают, и ни один из них не оставлял его в продолжение всего лета. Князь Платон Zubov принимал участие в играх. Грация и прелесть великой княгини Елисаветы производили на него сильное впечатление. Как-то вечером, во время игры, к нам подошел великий князь Александр, взял меня и великую княгиню за руки и сказал:

– Zubov влюблен в мою жену.

Эти слова, произнесенные в ее присутствии, очень огорчили меня. Я сказала, что для такой мысли не может быть никаких оснований, и прибавила, что, если Zubov способен на подобное сумасшествие, следовало бы его презирать и не обращать на то ни малейшего внимания. Но было слишком поздно: эти злосчастные слова уже задели сердце великой княгини. Она была сконфужена, а я чувствовала себя несчастной и пребывала в беспокойстве: ничто не может быть более бесполезно и опасно, чем дать заметить молодой женщине чувство, которое должно непременно ее оскорбить. Чистота и благородство души не позволят ей его заметить, но удивление сменится неловкостью, которую можно истолковать в неблагоприятном для нее смысле.

После игр я, по обыкновению, ужинала у их императорских высочеств. Открытие великого князя не выходило у меня из головы. На другой день мы должны были обедать у великого князя Константина в Софии, в его дворце. Я приехала к великой княгине, чтобы сопровождать ее. Ее высочество сказала мне:

– Отойдемте от других: мне нужно вам кое-что сказать.

Я повиновалась; она подала мне руку. Когда мы были довольно далеко и нас не могли слышать, она сказала мне:

– Сегодня утром граф Ростопчин был у великого князя и подтвердил ему все замеченное относительно Zubova. Великий князь повторил его разговор с ним с такой горячностью и беспокойством, что со мной едва не сделалось дурно. Я в высшей степени смущена. Не знаю, что мне делать: присутствие Zubova, наверное, будет стеснять меня.

– Ради бога, успокойтесь, – сказала я ей. – Все это так сильно действует на вас из-за вашей молодости. Вам не надо испытывать ни стеснения, ни беспокойства. Имейте достаточно силы воли позабыть сказанное, и все пройдет само собой.

Великая княгиня немного успокоилась, и обед сошел довольно хорошо. Вечером мы пошли к императрице. Я застала Зубова в мечтательности, беспрестанно бросавшим на меня томные взгляды, которые он переносил потом на великую княгиню.

Вскоре несчастное увлечение Зубова сделалось известно всему Царскому Селу. Тогда поверенные Зубова и его шпионы стали стараться подействовать на меня. Графиня Шувалова была первой, кому Зубов признался в своих чувствах. Граф Головкин, граф Штакельберг, камергер Колычев – впоследствии гофмейстер двора, фрейлины княжны Голицыны и доктор Бек сделались моими надсмотрщиками. Они ежедневно давали отчет в своих наблюдениях графу Салтыкову. Наши прогулки и разговоры с великой княгиней, ее малейшее внимание ко мне – все подвергалось надзору, обо всем толковали, пересуживали и через Салтыкова передавали Марии Феодоровне. Я была окружена целым легионом врагов, но чистая совесть придавала мне силу, и я так была проникнута своей привязанностью к Елисавете Алексеевне, что, вместо того чтобы беспокоиться, удвоила свои старания и, если можно так выразиться, стала увереннее. Покровительство императрицы, ее доброта ко мне и доверие великого князя устранили всякое стеснение. Эти обстоятельства только укрепляли расположение Елисаветы ко мне: мы почти не расставались, сердце ее вверяло моему все свои чувства. Я прониклась этим доверием, была им тронута, и ее репутация сделалась целью моего счастья.

Не знаю ничего привлекательнее, чем эти первые излияния души. Они как чистый источник, пробивающийся сквозь толщу скалы, пока не выйдет на поверхность, чтобы разлить воды свои и освободиться от давящей его тяжести².

Ревность Александра к Зубову не прошла бесследно. Постепенно они и Елизавета отдалились друг от друга. Александр завел себе любовницу – Марию Нарышкину, которая родила ему внебрачную дочь Софью, трагически умершую совсем молодой. Всего Александру приписывали 11 внебрачных детей. У Елизаветы тоже родились две дочери – Мария и Елизавета, но обе не дожили и до третьего года рождения. Возможно, младшую из дочерей Елизавета родила не от Александра, а от своего любовника Алексея Охотникова. Связь эта строжайше скрывалась и стала известна уже после смерти Елизаветы, когда Николай нашел и уничтожил письма Елизаветы к Охотникову, показав их предварительно своей жене императрице Александре Федоровне. Она записывает в своем дневнике:

«Если бы я сама не читала это, возможно, у меня оставались бы какие-то сомнения. Но вчера ночью я прочитала эти письма, написанные Охотниковым, офицером-кавалергардом, своей возлюбленной, императрице Елизавете, в которых он называет ее “моя маленькая женушка, мой друг, мой Бог, моя Элиза, я обожаю тебя” и т. д. Из них видно, что каждую ночь, когда не светила луна, он взбирался в окно на Каменном острове или же в Таврическом дворце, и они проводили вместе 2–3 часа. С письмами находился его портрет, и все это хранилось в тайнике, в том самом шкафу, где лежали портрет и памятные вещи ее маленькой Элизы, – вероятно, как знак того, что он был отцом этого ребенка. Мне кровь бросилась в голову от стыда, что подобное могло происходить в нашей семье, и, оглядываясь при этом на себя, я молила Бога, чтобы он уберег меня от такого, так как один легкомысленный шаг, одна поблажка, одна вольность – и все пойдет дальше и дальше, непостижимым для нас образом».

² Записки графини Варвары Николаевны Головиной. СПб., 1900.

“Дорогая Элиза, позволь мне дать тебе один совет, а вернее, не откажи в небольшой просьбе: не меняй время твоей прогулки, это сможет показаться странным и встревожит Императора. Вспомни, что он тебе говорил намерении”.

В другом месте написано: “Не беспокойся, часовой меня не видел, однако я поломал цветы под твоим окном”, затем идут чудовищные любовные заверения: “Если я тебя чем-то обидел, прости – когда страсть увлекает тебя целиком, мечтаешь, что женщина уступила бы нашим желаниям, отдала все, что более ценно, чем сама жизнь”. Чувствуется, что он испытывал настоящую страсть; он любил женщину, а не императрицу; он обращается к ней на “ты”, называет ее своей женой, потому что уже привык к этому и не может смотреть на нее иначе. Он говорит о назначенном свидании, мечтает, чтобы ночь была безлунной, так как только в темноте он может отважиться забираться по стене. Однажды он заболел и был вне себя, что не придет к ней. По-видимому, передавала письма и была посредницей некая М. Когда императрица еще носила свою Элизу, он умер в страшных мучениях; она узнала об этом, и в то время по ней действительно было видно, как тяжело она страдает и скорбит, о чем рассказывала мне императрица-мать».

Великий князь Николай Михайлович, племянник Александра и автор первой двухтомной биографии Елизаветы, рассказывает свою более романтическую версию: Охотников был убит на улице, когда поздно вечером возвращался из театра. В Петербурге винили младшего брата Александра, Константина, который решил таким способом восстановить честь семьи. (Александр в это время проигрывал сражение под Аустерлицем.) Но современные историки не согласны с великим князем. Они считают, что, вероятнее всего, виновницей гибели любовника Елизаветы Алексеевны была чахотка.

Сам великий князь Николай Михайлович пишет: «По нашему разумению, это кратковременное увлечение императрицы несколько не умаляет ее симпатичного облика. Напротив того, увлечение это, столь страстное, более чем понятно. Ведь государыня была женщина, и притом молодая, неопытная, выданная замуж 14 лет от роду: жизни она не знала и знать не могла. Оставленная мужем, она наглядно, чуть не ежедневно видела его измену и постоянно встречала предмет его любви – лукавую Марию Антоновну... Было от чего впасть в отчаяние и раздражение. И как часто бывает в таких случаях, в это самое время подвернулся молодой кавалергард, который влюбленно смотрел на Елизавету».

Но в официальной литературе образ Елизаветы остался светлым и незапятнанным.

Императрица Елисавета Алексеевна (1779–1826)

Очерк Сергея Семеновича Уварова³

Едва император Александр перешел в обитель предков, едва смолкли около нас звуки погребального шествия, как вновь тяжкое горе постигло августейшую семью и верный ее народ. Императрица Елисавета, земная жизнь которой проявлялась лишь в ее скорби и в нашей к ней любви, соединилась на небесах с тем, кто составлял лучшую половину ее существования. Эти две сродные души не могли быть разлучены надолго; одна из них, обреченная на более продолжительное земное пребывание, отлетела с быстротой и с спокойствием, предвестником безграничного упоения и безоблачного блаженства. Если судьба императрицы не требует наших сожалений, если внутренний наш голос, который никогда не ошибается, говорит, что все ее желания теперь исполнены, тем не менее сколько причин для нас самих оплакивать ее быстрое исчезновение. Частица императора Александра продолжала его существование, и этот драгоценный остаток его исчез; свидетель его предсмертной борьбы, дорогой предмет, на который обращен был последний его взор, оставался между нами и покинул нас; рука, которую он пожимал умирающею своей рукой, охолодела. Одинокая лампада, которая теплилась над его могилой, погасла навсегда...

О, как ничтожны и безсильны утешения людской мудрости в минуту сильной скорби и необычайная несчастья! Как плохо эта мудрость нам объясняет сочетание тех явлений, которыми нами руководят, и как раздирает то сердце, которое утешает, отнимая у него лучшее чувство, которое соединяет его с вечностью! Красноречива и искренна может быть скорбь человека только верующего и любящего. Будем надеяться, что все ее ожидания оправдались, и главное, да не убоимся мы преувеличить наше почитание к усопшим; это чувство выпадает на долю не многих набожных и чутких душ, толпа умеет жить только с живыми.

Тридцать лет жизни императрицы Елисаветы в избранном ею отечестве были выражением добродетели без чванства и благодеяний без огласки. Она принесла нам в дар богато одаренный ум, благороднейшие качества сердца, небесный образ и душу еще более небесную – и чрез 30 лет возвратила могиле и вечности.

Тесный круг жизни женщины, еще сжатее на престоле сердечными привязанностями, и исполнение семейных обязанностей наполняли ее уединение. Небо не дозволило императрице долго наслаждаться радостями материнской любви, и существо, самое способное чувствовать все достоинство этой любви и исполнять ее обязанности, было осуждено видеть умирающими в своих объятиях предметы своей нежности. Они были похищены у нея один после другого, и как Рахиль: «она не хотела утешиться, потому что их не было более».

Те, которым дано было счастье видеть вблизи императрицу Елисавету, имели возможность судить о чрезвычайной общительности ее ума и необыкновенной верности ее суждений. Одаренная большим тактом и изящным вкусом, обладая массой разнообразных и глубоких познаний, она всегда старалась скрывать свои дарования, в противоположность того рвения и умения, с которыми обыкновенно люди стремятся выказывать их. Ее ум имел свойство созерцания, позволявший ей видеть во всем окружающем серьезную сторону; но вместе с тем пылкое и богатое воображение придавало этому строгому уму прелесть и грацию простоты; совокупление этих качеств порождало то обаятельное действие, которое невозможно описать. Освоенная со всей европейской литературой и постигая отдельный характер каждой нации, императрица почерпала у всех источников умственной жизни богатство мысли и зрелое мыш-

³ Уваров С.С. Императрица Елисавета Алексеевна/ пер. Е.Б. Зубовой // Русская старина. 1884. – Т. 41. № 1. – С. 225–231.

ление, придававшая ей беседе замечательный характер. Императрица поражала с первым впечатлением своим здравым смыслом, умом строгим и просвещенным и совершенной простотой; позднее открылось многое, тщательно скрываемое под завесами ее скромности, превосходство ее ума образованного, редкое умение излагать изящно и метко свои мысли письменно и в беседах, врожденная способность обозревать мелочь житейской жизни, ясность суждения, которая придавала жизни ее настоящую цену и пылкость души увлекающейся и впечатлительной, которая возвышала лиц, удостоенных ее уважения, в их собственных глазах. Ее сила воли над собой, сияние ее высоких добродетелей, отчуждение ее высокого положения, в которое судьба ее поставила, все придавало ей личности нечто величественное, внушающее уважение и обожание, но вместе с тем не позволяло быть более известной, вне того тесного круга жизни, предназначенная ей судьбою и любовью.

Портрет Великой княгини Елизаветы Алексеевны. Художник Э. Виже-Лебрен. 1797 г.

«...Она образованна и продолжает учиться с удивительной легкостью. Она лучше всех других русских женщин знает язык, религию, историю и обычаи России. В обществе она проявляет грацию, умеренность, умение выражаться...»

(Граф Федор Головкин о Елизавете Алексеевне)

Полная, беспристрастная справедливость памяти ее требует упомянуть также о ее бесчисленных благодеяниях, ознаменовавших каждую минуту ее жизни; ее сострадание к несчастному имело просвещенный характер ее ума и теплый порыв ее души. Ей недоступны были наслаждения удовлетворенной гордости; императрица попирала ногами блеск житейской суеты и отказалась бы от всего для удовлетворения жгучей потребности творить добро, составлявшей достояние, усвоенное всею августейшею семьею, которая в продолжение 30-ти лет гордилась и любовалась ею. Источником ее деятельной благотворительности служила ее набожность, возвышенная, просвещенная и превосходящая все мечтания. Эта чистая, непорочная душа возвышалась безпрепятственно к превышей воле, где почерпала свою силу и свой душевный покой. Строгая к самой себе, снисходительная к ближним, императрица выражала делом то, что другие выражают на словах. Высота ее положения обуславливалась чрезвычайною возвышенностью ее чувств; величие престола состояло у нея лишь в полном отрешении от житейской суеты и в силе сочувствия ко всему, что касалось предметов ее любви и уважения.

Императрица Елисавета сохранила, до последней минуты своей жизни, наружность величавую и приветливую, покорявшую все сердца; прелестный орган, восхитительный стан, грацию во всех движениях, полную простоты и царского величия. Ее дивная красота, не имея себе ничего подобного, поразила всю Россию. Все, имевшие счастье присутствовать при пиршествах бракосочетания (1793 г.), припоминают с восторгом картину, которую представляла собою эта юная чета; говорят, что при ее появлении повсюду раздавались невольные возгласы удивления; сравнение с Психеею представлялось каждому. Нельзя было довольно налюбоваться этой четой, столь юной и столь счастливой; жизнь едва только им передала первые свои впечатления и скрывала все горькое и жесткое, которое она ей готовила в будущем. Этот великий блеск, этот цветок юности поблек, но императрица сохранила все выражение и всю свою прелесть; черты лица ее носили отпечаток ее сердечных порывов, со свойственной, только ей одной, силой очарования. Время, лишая ее чело венка из роз, воздвигнуло над ней сияние нетленное, и это сияние не поблекло....

Императрица Елисавета любила искусства и находила в них отдохновение; ее вкус к изящному соединялся с редким пониманием и с массой познаний самых разнообразных. Все отрасли художеств имели доступ к ее покровительству; она посылала в Италию, на свой счет, молодых русских живописцев, помогала другим заниматься наукой. Ее ум, свободный от всякого предразсудка в литературе, оценил точно так же и поэзию: она переходила от одной литературы к другой с одинаковым увлечением. Расин не мог желать лучшего судьи; Гете привлекал ее внимание при каждом своем классическом творении; Карамзин читал ей рукопись своей истории, и нет сомнения, что Скотт, Байрон и Мурр были бы поражены и польщены метким суждением, с которым императрица наслаждалась их произведениями, читая их каждого в оригинале; но внимание ее не останавливалось в области фантазии; сочинения, самые серьезные, были предметами ее изучения, и, конечно, ни одно замечательное произведение, на каком-либо из европейских языков вновь выходившее, помимо всех ее окружающих, не миновало критики императрицы; она умела ценить достоинства и судить о недостатках с редкою проницательностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.